

ПОРТРЕТ

— Посмотрите на афиши нынешнего концертного сезона — мессы, страсти, реквиемы. И переполненные залы свидетельствуют: насколько сильна сегодня потребность в нравственном очищении, в искуплении, которое достигается страданием. Слишком долго мы изгоняли из жизни искусство трагедии, слишком долго тешили себя сказками. Боялись заглянуть себе в душу, не хотели думать о сострадании и милосердии, боялись плакать. И если сейчас обращаемся к трагическому началу в искусстве, значит, в общественном сознании происходит поворот: мы начинаем безбоязненно осмысливать свою жизнь, свое прошлое.

Вячеслав АРТЕМОВ:

ДОЛГИЙ
ПУТЬ

КОМПОЗИТОР ВЯЧЕСЛАВ АРТЕМОВ, которому принадлежат эти слова, по праву может считать себя художником, чье творчество вносит свою лепту в этот нелегкий очистительный процесс. Давно и справедливо замечено, что произведения искусства появляются тогда, когда общество испытывает в них наибольшую нужду. Реквием памяти жертв сталинизма, задуманный Артемовым в 1985 году, прозвучал в ноябре минувшего года, в один из дней Недели совести.

«Обессиленные узники, ждем последнего суда... Неужели больше музыки не услышим никогда», — читаем мы стихи ранее неизвестного поэта Николая Стефановича. И почти воочию видим, как в ледяном, бездушно-пространстве первой части артемовского Реквиема проступают бесчисленные колонны жертв, растворяясь в мертвой пустыне ГУЛАГа, чтобы воскреснуть в высокой молитве Agnus Dei и в нашей памяти.

— Идея этого сочинения, — поясняет композитор, — ощущение трагичности русской истории. Она связана не только с непосредственными жертвами репрессий. Следы того времени — в каждом из нас. Если человека вынуждали лгать, доносить, предавать, это неминуемо вело к нравственному вырождению. Долгие годы люди были отлучены от участия в решении не только общественных судеб, но и своих собственных. В них вытравлялось сознание ценности и независимости личности. И пришли к почти тупиковой моральной и культурной драме,

когда массовые интересы свелись чуть ли не к биологическим потребностям, а духовные запросы — к развлечениям. С таким уровнем сознания трудно что-либо всерьез перестроить. Меняется человек, меняется и его культура. Если она считалась чем-то побочным, надстройкой, пристройкой, она становилась мертворожденной, античеловечной, могла лишь накапливаться количественно, как пресловутый производственный вал.

И тем не менее Артемов глубоко убежден, что именно культура в истинном своем проявлении подготавливает общество к переменам. Если протест не мог выражаться открыто, то в глубине души художник оставался свободным. Книжки, которые не печатались, фильмы, которые лежали на полках, музыка, которая не исполнялась, — все это ждало своего часа, но все это было. Были пророки в своем отечестве...

КОНЕЧНО, судьба каждого художника неповторима, но, похоже, трудности на его пути выстраиваются в некую закономерность. Перед Вячеславом Артемовым вставали и встают те же преграды, что мешали признанию Альфреда Шнитке, Эдисона Денисова, Софии Губайдулиной. Говорю лишь о тех, чьи имена сегодня у всех на слуху, да и то скорее имена, а не сочине-

ния, которые куда чаще звучат в концертных залах за рубежом. Долго ли будем оставаться глухими в прямом и переносном смысле слова?

«...Я не спеша, осторожно прикоснулся к творчеству Артемова: исполнил и записал на пластинку его симфонию с солирующей скрипкой «In memoriam», концерт для трех скрипок с оркестром «Гурийские гимны», симфоническую поэму «Плачи». Внимательно изучил симфонию «Путь к Олимпу», Реквием, балет «Только верой». Богатейший мир! Я отбрасываю в сторону композиторское мастерство, технику, знания, интеллект. Я сейчас имею в виду лишь то, что внутренне затрагивает профессионала-исполнителя. Я воспринимаю его музыку как простой слушатель — это высочайший градус дара композитора!» Свидетельство народного артиста СССР дирижера Дмитрия Китаенко, под управлением которого симфонический оркестр, два хора и солисты проникновенно и мощно исполнили артемовский Реквием, можно дополнить другими столь же впечатляющими отзывами. Сочинения композитора звучали в исполнении Геннадия Рождественского, Владимира Федосеева, Саулюса Сондекиса, Лианы Исакадзе, Тимура Мынбаева, пианистов Дмитрия Алексеева, Станислава Бунина.

Лиана Исакадзе видит в музыке Артемова редчайший сплав отстраненной мудрости и яркой эмоциональности. Скрипачка Зоря Шихмурзаева находит в ней утонченность, ранимость, хрустальную чистоту. Дмитрий Алексеев считает ее качественно новым этапом в развитии тех музыкальных проблем, которые были подняты поздним Скрябиным, а затем как бы забыты русскими композиторами.

БЕЗУСЛОВНО, восприятие музыки — дело достаточно субъективное. И если Альфред Шнитке об одном из интереснейших сочинений Артемова, «Заклинаниях», писал, что в нем автор воссоздал поразительный по реальности и яркости звуковой образ первобытной магии, то правление Союза композиторов при прослушивании этого опуса вышло из зала. Но плюрализм мнений, к которому мы сегодня стремимся, работает лишь в том случае, когда каждый имеет возможность беспрепятственно сформировать собственное суждение. И, думается, официальные органы, от которых зависит, будет ли музыка исполнена или так и останется на нотной бумаге, должны быть в первую очередь озабочены тем, чтобы дать ей дорогу в широкий мир.

По словам Артемова, он не может пожаловаться на «чрезмерное внимание» к себе ни Союза композиторов, ни Министерства культуры. За четверть века министерство приобрело у него всего четыре или пять небольших сочинений. Профессиональным трудом он жить не может, хотя записал шесть пластинок (не считая записей во Франции и компакт-дисков в США), с 1981 года дает в СССР и за рубежом авторские концерты, собирающие полные залы. Да и как прикажете жить, если за исполнение, к примеру, симфонии «Путь к Олимпу» в Большом зале консерватории композитору

самым автобиографическим — оно выражает кредо композитора: какие бы препятствия ни вставали на его пути, важно не достижение цели, а вечное стремление к совершенству.

АРТЕМОВ родился в 1940 году, Московскую консерваторию окончил в 1968-м, первое его произведение было исполнено в 1964-м. О себе он рассказывает крайне скупое, да и сами вопросы о его жизни вызывают у него недоумение: «Моя жизнь — это мои сочинения». Знаю только, что он любит природу, горы, по которым предпочитает бродить в обществе немногословного спутника.

Человек широко образованный, он верит, что настоящий учитель композитора — культура. В фольклорных экспедициях он глубоко изучал русскую народную музыку. Впитывал, вбирал в себя музыку восточную, которая составляет немаловажный элемент его творчества, его философских размышлений. (Хотя приведем в скобках мнение Артемова и согласимся с ним: «Есть музыка, которую называют философической, на деле же она оказывается просто скучной. Музыка должна быть эмоционально насыщенной»). Эту эмоциональную насыщенность композитор ценит выше всего у великих романтиков — Шуберта, Шопена, Брамса, Брукнера, в оркестровых сочинениях Дебюсси, в поздних фортепианных сонатах Гайдна и, конечно, у Скрябина, последнего, по его словам, русского романтика.

Еще студентом консерватории Артемов почувствовал потребность восстановить в своих сочинениях связь с высочайшей русской культурой начала века. Той культурой «серебряного века», которая расцветала не только в музыке — в живописи, поэзии, философии, но была оборвана трагическими тактизмами. Задача может показаться дерзкой, но без великой цели чего стоит жизнь художника? Как и без глубокой веры в высшее, божественное предназначение музыки, которая, как убежден Артемов, призвана не развлекать, не улаживать человека, но преобразовать его духовный мир. Отсюда его высокие требования к самому себе: если, говорит он, можно спрятаться за словом, то звук выдает композитора без остатка.

Максимализм Артемова — это максимализм верующего человека, для которого моральный императив превыше всего. Без веры в идеал, в духовное начало, полагает он, нельзя изменить сознание, сколько ни развешивай лозунгов по стенам. Без веры все дозволено, что с исчерпывающей полнотой показал Достоевский. Если с этих позиций мы взглянем на творчество самого композитора, то увидим два полюса: на одном — трагический мир с его страстями и безднами, на другом — неистребимая надежда на нравственное обновление, которая с особой силой звучит в его Реквиеме, отзываясь в душе слушателя.

В обычной жизни нам не до высоких материй. И не потому ли, как сказал Ли Бо (один из древнекитайских поэтов, на чьи стихи Вячеслав Артемов написал свою кантату «Сны при лунном свете»): «Древний поэт брал в руки свечу и с нею гулял по ночам. Большой был в этом смысл!»

Ольга МАРТЫНЕНКО.

К ОЛИМПУ

причитался гонорар 6 рублей с копейками!

Артемов не без юмора вспоминает, как долго он добивался встречи с министром культуры прошлых лет Петром Демичевым, как министр его принял, выслушал, рассказал о мире, который находится под угрозой. Однако обещал помочь и распорядился о закупке всех крупных сочинений композитора как национального достояния. Нынешний министр Василий Захаров это распоряжение спустил в канцелярию, где оно обитает по сей день. Поэтому сакраментального вопроса о свободе творчества для Вячеслава Артемова не существует: свобода у него полная. Мне всегда приводили, замечает он, в пример Шуберта: его симфонии тоже не играли, а он писал. Или Онегера: и он не мог жить на музыкальные заработки. Мало ли что вас не покупают — пишете!

Все это выглядело бы трагикомично, если было бы досадным исключением в деятельности ведомства, управляющего культурой. Если бы оно по нехитрому принципу «показалось — не показалось» не скупало несчетные количества сочинений, которые лежат мертвым грузом и вряд ли когда-нибудь прозвучат, ибо не находится для них исполнителей. А пока Артемов пишет продолжение симфонии «Путь к Олимпу» по заказу... из США.

Это монументальное сочинение можно считать программным для его творчества, во всяком случае